

УДК 165.0

DOI: 10.15372/PS20220413

О.А. Козырева

**ТЕОРИЯ ЯЗЫКА VS. ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ:
ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ¹**

В статье представлены комментарии автора к репликам участников дискуссии и ответы на некоторые возражения, приведенные ими.

Ключевые слова: семантика; прагматика; значение; контекстная зависимость; коммуникация

O.A. Kozyreva

**THEORY OF LANGUAGE VS. COMMUNICATION THEORY:
RESPONSE TO OPPONENTS**

The article presents the author's comments on the remarks of the discussants and her answers to some of their criticisms.

Keywords: semantics; pragmatics; meaning; context dependence; communication

Вначале я хотела бы выразить благодарность всем участникам дискуссии за продолжающийся интерес к обсуждаемой мной проблематике. Свой ответ на возражения и комментарии я разделю на три части – в соответствии с каждой из представленных реплик.

Ответ Е.В. Борисову

Позиция Е.В. Борисова является устоявшейся точкой зрения на то, как соотносятся друг с другом семантика и прагматика и как

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

с помощью их взаимодействия объясняется коммуникация, поэтому спорить с ней нелегко. Е.В. Борисов утверждает, что оснований для модификации именно семантики Д. Каплана мной не предложено, а те сложные коммуникативные ситуации, которые я наряду с некоторыми упомянутыми исследователями привожу в качестве иллюстрации необходимости такой модификации, успешно объясняются в рамках традиционного семантико-прагматического подхода к коммуникации [1].

Я согласна с тем, что мы можем пользоваться теорией коммуникации в духе Каплана и успешно объяснять сложные коммуникативные ситуации, о которых шла речь. Проблема, однако, на мой взгляд, заключается в том, почему нашей семантике, т.е. семантике для индексикалов, предложенной Д. Капланом, не удастся так схватить наши языковые интуиции, чтобы она не выдавала некорректных ответов, требующих дополнительного обращения к прагматике. Если обратиться только к индексикалу «я», то можно увидеть, что Д. Каплан разрабатывает семантику для этого выражения, чтобы формальным образом выразить те неформальные правила, которым подчиняется наше использование данного местоимения [4, р. 520]. Правило D2, которое наряду с двумя другими правилами Д. Каплан включает в характер «я», фактически и становится основным камнем преткновения в коммуникативных ситуациях с написанными записками, где высказывание совершает не тот индивид, на которого «я» должно указывать в соответствии с этим правилом.

Возможно, проблема действительно коренится не столько в семантике Д. Каплана, сколько в наших языковых интуициях, которые эта семантика пыталась схватить и выразить, что и сделала, по всей видимости, успешно. И тогда основная претензия, высказываемая рассмотренными мной исследователями, на самом деле должна быть направлена не на семантику Д. Каплана, а на наше до-теоретическое убеждение в том, что «я» всегда указывает на того, кто совершает высказывание.

Причиной же того, почему мне не импонирует сохранение разграничения между семантикой и прагматикой и почему я вслед за другими исследователями склоняюсь к тому, что традиционные прагматические факторы надо включить в число семантических и, как следствие, надо модифицировать семантику Д. Каплана, является теоретическая простота. Включение в число параметров контекста, от которых зависит значение высказанного предложения, тех

параметров, которые Е.В. Борисов предлагает отдавать на откуп прагматике, снимает с нас задачу объяснения того, как индивид комбинирует знание семантических правил со знанием прагматических правил при интерпретации высказанных в контексте предложений. Но, безусловно, такая позиция нуждается в том, чтобы ее представить, т.е. бремя предложить такую модификацию формальной семантики Д. Каплана, которая бы не требовала обращения к прагматике при объяснении сложных коммуникативных ситуаций и учитывала все возможные языковые интуиции носителей языка, лежит на мне.

Ответ А.Ю. Моисеевой

Вариант решения проблемы взаимоотношения семантики и прагматики, который предлагает А.Ю. Моисеева с опорой на подход Дж. Перри, видится мне крайне близким к тому подходу, который я ранее назвала «семантикой с агентом». Причина этой близости заключается в том, что значение гораздо большего количества предложений, чем это считается обычно, зависит от контекста, в котором они высказываются, а это предполагает нетривиальную задачу включения факторов, связанных с наличием агента², в семантическую теорию.

Тем не менее основное различие между нашими позициями заключается в том, что А.Ю. Моисеева настаивает на сохранении границы между семантикой и прагматикой (хотя и в неклассическом варианте), в то время как я полагаю, что подобное разграничение скорее всего является устаревшим. Когда А.Ю. Моисеева говорит о том, что «на долю прагматики остается та часть объяснения, которая не схватывается правилами, поскольку зависит от многих имплицитных предположений, которые могут быть верны лишь относительно конкретного речевого опыта» [3], мне кажется, что она так или иначе отождествляет семантику с определением тех факторов, которые могут получить свое выражение в рамках формальной тео-

² Я по-прежнему использую понятие агента не в смысле каплановского агента как параметра контекста. Возможно, чтобы избежать путаницы, более корректно было бы говорить не об агенте, а например, об акторе, и тогда разграничение двух подходов к семантическому анализу выглядело бы как разграничение между «семантикой с актором» и «семантикой без актора».

рии, а прагматику – с определением тех факторов, которые формализовать по разным причинам сложно или даже невозможно.

Я не согласна с таким отождествлением по ряду содержательных причин, однако из-за ограничений объема статьи укажу здесь только на «формальную» причину. Долгое время считалось, что семантика – это своего рода «мусорная корзина», в которую попадает все, чему не получилось дать формальное выражение: успешно формализовать можно только синтаксис естественного языка, а значение (понимаемое как условия, при которых языковое выражение и/или предложение является истинным) от формализации ускользает. Работы Р. Монтегю и его последователей продемонстрировали в итоге, что успешная формализация семантики также возможна³, и теперь роль «мусорной корзины» переходит по наследству к прагматике. Однако попытки разработать формальную прагматику опровергают такой взгляд, и поэтому утверждать, что прагматические аспекты значения – это такие аспекты, которые нельзя выразить с помощью правил, не совсем корректно. А это означает, что критерий разграничения семантики и прагматики, связанный со сложностью формальной выразимости, слишком слабый.

Тот подход, который предлагает Дж. Перри, на мой взгляд, не свободен от ряда проблем. Да, разграничение между референциальными условиями истинности (R-пропозиции) и рефлексивными условиями истинности (A-пропозиции) [5] помогает решить проблему когнитивной значимости предложений с индексикалами. Но такой мультипропозиционализм, т.е. позиция, согласно которой одно и то же предложение может выражать не строго одну пропозицию, а целое множество пропозиций, сталкивается со следующей проблемой: если одно и то же предложение может выражать сколь угодно много пропозиций, то тогда мы не можем знать значения выражений, входящих в него. Такой семантический произвол ведет к тому, что мы не сможем объяснять, как происходит коммуникация между индивидами.

С мнением А.Ю. Моисеевой, что не следует отождествлять значение языкового выражения с тем, как это выражение понимает-

³ Стоит отметить, что сам Р. Монтегю разграничивал семантику и прагматику несколько иначе, чем это принято делать сегодня. Для него в область исследования семантики попадали только те предложения, значения которых не зависели от контекста. Контекстную зависимость значения он относил как раз к области прагматических исследований, что сегодня обычно считается устаревшим подходом.

ся [3, с. ...], я могу согласиться лишь отчасти. Действительно, объяснить, что означает выражение, и объяснить, какие механизмы задействованы в процессе понимания того, что это выражение означает, - различные задачи. Однако если мы признаем, что основная функция языка – коммуникативная, то мы должны объяснять, как происходит успешная коммуникация между участниками, которые используют языковые выражения с определенными значениями и воспринимают языковые выражения с определенными значениями. Если же наша теория языка не справляется в полной мере с объяснением того, как в коммуникации используются выражения, имеющие значения, то назвать ее удовлетворительной не получится.

Ответ И.А. Гуцину

Попытка перевести дискуссию из области обсуждения взаимоотношения семантики и прагматики в естественных языках в область обсуждения языков искусственных (а именно это и предпринимает в своей статье И.А. Гуцин [2]) видится мне перспективной в рамках философии математики. Вопрос о том, являются ли математические предложения контекстно зависимыми, не тривиален, а положительный ответ на него выглядит вообще достаточно радикальным. Поэтому такой во многом неожиданный выход из первоначально обсуждаемой проблематики в соседнюю область философского знания может привести к интересным результатам в понимании целей математики и ее оснований.

Однако, как мне представляется, подобная попытка перевода дискуссии из одной области в другую несколько смещает акценты в обсуждении первоначально поставленной проблемы о взаимоотношении семантики и прагматики. Безусловно, эпистемический контекстуализм, о котором говорит И.А. Гуцин, имеет в своем основании контекстуализм семантический. Но проблема, которая ставится в его статье, касается в большей степени вопроса, который поднимал Х. Патнэм, когда говорил о лингвистическом разделении труда и неполном знании у носителей языка значения используемых ими выражений [6]. Иными словами, если знать значение математического предложения – это знать его доказательство, то я, не будучи математиком, высказывая математические предложения без знания их доказательств, не знаю их значения. Тем не менее в некоторых случаях коммуникация, в которую я вступаю с использованием та-

ких предложений, оказывается успешной. Из этого следует, что для успешной коммуникации знать полное значение выражений не обязательно. В принципе такой вывод согласуется с позицией Б. Лева, на которого ссылается И.А. Гуцин.

Таким образом, я полагаю, что наиболее интересной в статье И.А. Гуцина является имплицитно поставленная им проблема возможности успешной коммуникации без полного знания индивидами значения употребляемых ими языковых выражений. Этот интерес обусловлен тем, что с точки зрения традиционного подхода успешность коммуникации зависит от знания значений, ибо только зная значения выражений, мы можем схватить выраженную в высказанном предложении пропозицию. Если следовать за идеями Х. Патнэма и предлагаемой И.А. Гуциным идеей о том, что в математике коммуникация также возможна без знания значения, то попадает под сомнение упоминаемый мной в основной статье тезис о том, что цели семантики должны быть подчинены целям теории коммуникации, а это, в свою очередь, возвращает к вопросу о том, что такое семантика и, как следствие, к вопросу о том, что такое прагматика.

Литература

1. *Борисов Е.В.* Теория коммуникации в духе Каплана // *Философия науки.* 2022. № 4 (95). С. \...\
2. *Гуцин И.А.* Контекстная зависимость математических предложений и выбор между семантиками // *Философия науки.* 2022. № 4 (95). С. \...\
3. *Моисеева А.Ю.* Семантика с А-пропозициями: границы расширения // *Философия науки.* 2022. № 4 (95). С. \...\
4. *Kaplan D.* Demonstratives // *Themes from Kaplan* / Ed. by J. Almog, J. Perry, and H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 481–563.
5. *Korta K., Perry J.* *Critical Pragmatics. An Inquiry into Reference and Communication.* Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
6. *Putnam H.* The meaning of 'meaning' // *Putnam H. Philosophical Papers. Vol. II: Mind, Language, and Reality.* Cambridge: Cambridge University Press, 1975. P. 215–271.

References

1. *Borisov, E.V.* (2022). *Teoriya kommunikatsii v dukhe Kaplana* [Kaplanian theory of communication]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 4 (95).
2. *Gushchin, I.A.* (2022). *Kontekstnaya zavisimost matematicheskikh predlozheniy i vybor mezhdru semantikami* [Context dependence of mathematical sentences and the choice between semantics]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 4 (95).

3. *Moiseeva, A.Yu.* (2022). Semantika s A-propozitsiyami: granitsy rasshireniya [Semantics with A-propositions: extension limits]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 4 (95).
4. *Kaplan, D.* (1989). Demonstratives. In: Almog, J., J. Perry & H. Wettstein (Eds.). *Themes from Kaplan*. Oxford, Oxford University Press, 481–563.
5. *Korta, K. & J. Perry.* (2011). *Critical Pragmatics: An Inquiry into Reference and Communication*. Cambridge, Cambridge University Press.
6. *Putnam, H.* (1975). The meaning of “meaning”. In: Putnam, H. *Philosophical Papers*. Vol. II: Mind, Language, and Reality. Cambridge, Cambridge University Press, 215–271.

Информация об авторе

Козырева Ольга Александровна. Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета (620000, Екатеринбург, просп. Ленина, 51).
olgakozyreva@mail.ru

Information about the author

Kozyreva, Olga Aleksandrovna. Ural Institute of Humanities, Ural Federal University (51 Lenin Ave., Ekaterinburg, 620000, Russia).

Дата поступления 30.10.2022